

ПОЗИТИВИЗМ И ФИЛОСОФСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

А. А. Кротов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 марта 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о границах позитивистского влияния на философскую компаративистику (П. Массон-Урсель). Выделяются характерные для позитивизма идеи, на определенном этапе развития философской компаративистики оказавшие на нее значительное воздействие. Вместе с тем доказывается, что считать сравнительную философию разновидностью позитивизма было бы ошибочно, два направления демонстрируют различное понимание природы философии.

Ключевые слова: философская компаративистика, П. Массон-Урсель, позитивизм, философия истории философии.

Abstract: in the article is discussed the question of the limits of the positivist influence on philosophical comparative studies (P. Masson-Oursel). Picked out characteristic of the positivism ideas that at a certain stage of the development of philosophical comparative studies had a significant impact on it. At the same time is proved that it would be wrong to consider the comparative philosophy as a kind of positivism, the two directions demonstrate a different understanding of the nature of philosophy.

Key words: philosophical comparative studies, P. Masson-Oursel, positivism, philosophy of the history of philosophy.

Сравнительные исследования на протяжении последних двух столетий каждое по-своему обозначили и перспективы отдельных областей философского знания, и определенные трудности в достижении заявляемых целей. Настоятельная потребность осуществить переход в сфере философской компаративистики от разрозненных, порой по-дилетантски выполненных, работ к подлинно научному подходу со всей остротой была сформулирована уже в начале XX в. Несомненно, на теоретическую установку, выражавшуюся в стремлении придать проводимым исследованиям строго научный характер, в немалой степени повлияло широкое распространение в европейской культуре позитивистских идей. Одной из кульминационных точек в реализации названной установки выступила концепция П. Массон-Урселя. С точки зрения современных историко-культурных исследований достаточно важным представляется вопрос о границах позитивистского воздействия на философскую компаративистику. До какой степени вообще правомерно сближение двух упомянутых направлений? Правильно ли считать позитивизм предопределившим пути развития компаративистики? Решение этих вопросов, так или иначе, затрагивает проблему плодотворности, применимости выдвинутых Массон-Урселем идей в современных условиях.

Поль Массон-Урсель (1882–1956) преподавал в Высшей школе практических исследований, сотрудничал с ведущими философскими журналами, с 1939 г. занимал пост президента французского психологического общества. Его главное философское произведение – «Сравнительная философия» (1923).

По мнению знаменитого ориенталиста, философия может приобрести научную строгость именно благодаря сравнительным исследованиям. В этом смысле он говорит о «позитивности» в философии и выдвигает программу ее достижения. Он подчеркивает, что люди издавна испытывали стремление расширить свои знания за счет знакомства с достижениями иных цивилизаций. Преследовались при этом различные цели: поиск идей, позволяющих направить мысль в иное, непривычное русло; желание найти подтверждение своим взглядам в чужой культурной традиции; опора на зарубежные авторитеты в качестве средства борьбы с распространенными, но кажущимися отжившими представлениями. «Эти робкие попытки проложить новые пути приводили лишь к тупикам и затерянным тропам. Желание узнать больше было испорчено с самого начала требованием слишком быстрого использования этого знания: не хватало беспристрастности подлинной науки; также терпения, и метода» [1, р. II]. Французский мыслитель констатировал многочисленность усилий по приданию философии научного характера, предпринимавшихся с начала XIX в. Упоминает он в этом контексте и «основателя позитивизма». Но предпринятые усилия, по его мысли, всё еще не увенчались успехом: препятствует разнородность считающихся философскими дисциплин.

Проект Массон-Урселя предполагал придание точного характера философским исследованиям за счет обращения к истории. Будучи отражением человеческой деятельности, исторические данные могут быть подвергнуты беспристрастному и непредвзятому анализу и, соответственно, привести к столь же достоверным выводам, что и достигаемые в области естественных наук. Разумеется, исторические факты неповторимы, но это обстоятельство не исключает возможности объективного их рассмотрения. Неповторимость, согласно автору «Сравнительной философии», не допускает неизменных законов, но может быть подчинена особому рода необходимости, позволяющей выделять причины и следствия исторических событий. Подобная необходимость лежит в основании общезначимости исторических изысканий и позволяет рассчитывать на объективность, важнейшее условие научности философии. «Фундаментальный принцип подлинно позитивной философии должен, следовательно, состоять в твердом решении постигать в истории, и исключительно в истории, философские факты» [ibid, р. 5]. По аналогии с успехами естествознания, которые, по мнению французского мыслителя, стали возможны благодаря ограничению исследований сферой «физического опыта», точно так же прорыв в области философии можно ожидать в результате сосредоточения усилий на изучении зафиксированных в истории мыслей знаменитых представителей человечества.

Метафизические системы Массон-Урсель трактует как наиболее подходящий материал для изучения человеческого духа в его истории, поскольку именно в них, по его мнению, в наиболее явном виде воплощены важнейшие потребности мысли. Обращение к такого рода материалу отнюдь не приближает к постижению природы бытия. Абстрактные построения вовсе не просвещают человека относительно сущности вещей, но исключительно ценны в качестве непосредственного выражения тех постулатов, посредством которых интеллектуальные круги различных эпох мыслили мироздание. Сопоставление метафизических систем способствует раскрытию ментальных законов, поскольку они находят в трудах философов свое прямое отражение. При этом важно учитывать, что реальными фактами, подлежащими исследованию, являются не только различные, взятые в их исходном виде, концепции, но и их интерпретации последующими классиками метафизики.

Французский мыслитель проводил идею о том, что научный метод в философии не тождествен историческому методу. Это – именно сравнительный метод, хотя объект его анализа имманентен истории. Ссылаясь на Конта и Дюркгейма, Массон-Урсель говорил о том, что позитивная философия отличается от истории главным образом своей ориентацией на выявление постоянства и определенной общности, скрывающихся за множественностью разнородных фактов. Историк же концентрирует свое внимание в первую очередь на несводимых друг к другу отличиях, многообразных тонкостях, которые, с его точки зрения, лишь конкретизируются наблюдаемым между ними видимым сходством. Метод позитивной философии в подобной перспективе может быть назван противоположным и дополняющим исторический метод.

Намечая контуры сравнительного метода, Массон-Урсель ссылается на историю других дисциплин. Филология, продвигавшаяся поначалу с помощью проб и ошибок, приобрела несомненную строгость, когда было открыто родство целого ряда языков. Равным образом сравнительный подход показал свою плодотворность в антропологии и этнографии. Поэтому придание философии научного характера напрямую связано с сопоставлением различных ментальных структур. Недостаточно ограничиться исследованием истории мысли своей собственной цивилизации. Наивысший результат можно получить от проведения параллелей между различными обществами. «Ни одна философия не обладает правом считать себя равной по объему человеческому уму, но каждая, вплоть до самой бедной, содержит документальную ценность» [ibid, p. 14].

Массон-Урсель утверждал необходимость выделить в качестве ядра философской компаративистики историю Европы, Индии и Китая, с одной стороны, потому что их прошлое в наилучшей степени прояснено, с другой – по той причине, что оно дает повод говорить о почти трехтысячелетнем параллелизме. Представляя собой самые древние «очаги культуры», три великих центра в первую очередь должны послужить объектом приложения подлинного философского метода. При этом французский мыслитель выступал против «упрощающего синкретизма» сторонников

эклектической школы. Их выводы, применяемые к различным учениям, по его мнению, были скороспелыми, произвольными и лишенными научной ценности. Предостерегал он и против подчинения сравнительных исследований «индивидуальной фантазии» по образцу литературной критики. В обобщенной форме он определял научную философию как сравнительное исследование философских идей, «к какой бы цивилизации они ни принадлежали».

Само понятие «сравнительная философия», по мнению Массон-Урселя, правомерно в силу оправданности методологической гипотезы о наличии универсального детерминизма, которому подчинены как духовные факты, так и относимые нами к внешней, природной сфере. Любая наука, независимо от используемого материала, направлена на установление законов, «тождественных отношений в аналогичных условиях». Специфика предмета может требовать от ученого умения находить в единичном феномене элемент необходимости, но и в этом случае речь идет о выявлении закономерных связей. Научный метод, на его взгляд, требует дистанцироваться от «рудиментарной» компаративистики, которая зачисляла в абстрактные рубрики весьма несхожих в основных результатах своего творчества философов. Например, к «интеллектуализму» относили Конфуция, Платона и Фому Аквинского, к «материализму» – Канаду, Лукреция и Ламетри. Исходным пунктом научной философии Массон-Урсель называет сравнительную хронологию, позволяющую ей сразу начать с определенной объективности. В любой науке в начале ее пути преобладание, пусть и временное, должны получать количественные проблемы. Следует установить последовательности учений, складывающиеся в своеобразные серии. Наряду с закономерностями каждой серии, особое внимание надлежит уделять пересечениям с параллельными линиями развития. Пример подобного пересечения – «перипатетический рационализм», сыгравший заметную роль как в мусульманской, так и христианской культуре. Пересечения, «корреляции» – своего рода второй уровень применения сравнительного метода. Понимание отдельных систем неотделимо от рассмотрения непосредственно предшествующих им и последующих учений, а также от всех тех научных, религиозных, эстетических и иных потребностей, оказавших влияние на их становление и развитие. «Тогда констатируют, что проблема, на которую хочет ответить каждый философ, ставилась лишь однажды перед человечеством в тех терминах, в каких она представлена. Но в тот момент, когда замечают таким образом “единичность” этих идеальных синтезов, подозревают, что эти различные сочинения предполагают известные тождественные движения духа, которые вполне могут варьировать по форме, но не менять природу» [2, р. 545]. Многообразие философских систем заключает в себе ограниченное число логических схем, которые, как можно предположить, выступают своего рода принципами интеллектуальных усилий различных мыслителей. Факты отнюдь не свидетельствуют в пользу мнения о радикальном различии, непреодолимой несоизмеримости систем. Типы отношений человека к окру-

жающей жизни вовсе не безграничны по числу. «Мы имеем некоторую возможность достичь объективного понятия ментальных законов только через анализ произведений, в которых мышление нашло самоудовлетворение, вероятно, потому, что оно их составило по собственному образу» [ibid, p. 547]. Познание человеческого ума благодаря упомянутому анализу сможет приобрести непрерывный, прогрессивный, подлинно научный характер, оставив в стороне все индивидуальные «интуиции», на которые зачастую полагались в прошлые времена. Догматическое, как и скептическое, отношение к метафизическим системам, теряют свое значение. Философия начинает смотреть на них в ином ракурсе. Спрашивать об их истинности, по мнению Массон-Урселя, все равно, что интересоваться, какой стиль наилучший. «Утверждать, что Спинозизм истинен, это формулировать высказывание такого рода: политика Ришелье есть истинная политика» [ibid, p. 547].

Сравнительный метод, по мнению французского философа, не сводится ни к поискам тождества, ни различий. Принцип сравнительного метода – аналогия, что предполагает обнаружение эквивалентных отношений, своего рода пропорций. В этом смысле знаменитый ориенталист говорил о том, что Конфуций для Китая имел такое же значение, как и Сократ для Греции. Он настаивал на том, что для сравнительных исследований именно содержание философского учения очень часто не слишком важно. Содержание систем неизбежно несет на себе отпечаток господствующих идей или же той или иной влиятельной традиции прошлого. Настоящее значение имеет используемый философом метод, сама логика расположения элементов. Философское произведение систематично, но систематика определяется методом. Весьма различные учения, казалось бы, бесконечно далекие друг от друга, могут обнаруживать присутствие одной и той же логики. Идеалист может оказаться с этой точки зрения гораздо ближе материалисту, чем спиритуалисту. Поэтому сравнительные исследования должны концентрироваться на фактах, а не на устоявшихся интерпретациях. К числу не пригодных для научной философии, субъективных и произвольных концепций, Массон-Урсель относил деление истории на древнюю, средневековую и новую. Он подчеркивал, что подобная рубрификация оправдана только применительно к европейской цивилизации, но не ко всем вообще. Равным образом «банальным» и не отвечающим научному духу противопоставлением он считал дихотомию Восток – Запад. Предрассудок о неустранимом несходстве менталитетов западного и восточного человека не должен служить препятствием для сравнительных исследований. Изучаемые факты могут на законном основании считаться сопоставимыми, только если поддается сравнению та культурная среда, в которую они погружены. Поэтому история философии, если ее рассматривают всего лишь как последовательность выдающихся монографий, имеет не большую научную ценность, чем портретная галерея, выдаваемая за целостную антропологию. «Мы принимаем, следовательно, что сравнимость двух фактов есть функция сравнимости их среды» [1, p. 29].

Понятие среды имеет огромное значение для принимаемой французским философом методологии. Он утверждал, что для понимания любых событий, в том числе происходящих в духовной сфере, чрезвычайно важно учитывать географические и исторические обстоятельства. В противном случае исследователь замыкается в абстрактной сфере, имеющей слабое отношение к реальным фактам. Подобно тому, как в естественных науках организм получает объяснение через условия его существования, точно так же и философия должна истолковывать метафизические системы, обращаясь к атмосфере, определившей их формирование. Понятие среды в интерпретации Массон-Урселя содержит два уровня. Первый связан с цивилизацией, внутри которой наблюдается тот или иной факт духовного порядка. Цивилизация образует как бы рамку любого философского творчества, оставляет на нем свой неизгладимый след, отпечаток очень давних идеалов и вместе с тем задает условия, внутри которых возникают новые идеи. Наряду с общим уровнем, французский мыслитель отмечает «вторичную среду», которая находит свое выражение в нравах, праве, искусстве, религии. Каждая область культуры важна для философской рефлексии, но особенное значение для нее имеет религия. Религия была основой, от которой постепенно дистанцировалась, но на которую и опиралась философия. «Философ отваживается воссоздавать мир ментально только потому, что он перенимает задачу жреца, который поддерживает или восстанавливает космический порядок приведением в действие священных сил» [ibid, p. 35]. Множество философских идей, по мнению Массон-Урселя, развивают религиозную проблематику, таковы понятия души, материи, природы, закона. Поскольку духовная жизнь на протяжении почти всей ее прошедшей истории принимала религиозную форму, сравнительная философия должна обрести свой важнейший источник в исследованиях, раскрывающих содержание и культурное значение священных текстов и ритуалов.

Рассматривая общий ход «интеллектуальной эволюции» в Европе, Индии и Китае, Массон-Урсель выделял сходные феномены. Софистика, с его точки зрения, – общее явление для всех трех культурных центров. «Софист господствует во всей китайской или индийской древности, по меньшей мере, так же как в Элладе в век Перикла; в каждой из этих сфер нестабильность политических условий, дезорганизация предшествующего порядка способствовали изобилию неразборчивых авантюристов, свободных от всякого убеждения, кроме убеждения в относительности всех убеждений и во всемогуществе рассуждения» [ibid, p. 64]. У истоков всех трех философских традиций обнаруживается сходное явление, заключающее аналогичные интеллектуальные установки. Отсюда Массон-Урсель выводил заключение, что образованию абстрактных понятий должно предшествовать «эристическое использование ресурсов языка» и что расцвету свободного мышления способствовали критика традиционных представлений и ясное осознание их содержания. Отмечал он и различия, подчеркивая, что греческая софистика была наименее продолжительной.

Столь же общее значение Массон-Урсель придавал феномену схоластики. «Повсюду, где истина извлекается из текста, который объясняют комментарии, присутствуют при установлении схоластики» [ibid, p. 67]. При достижении учением той степени «зрелости», когда требуется его публичное преподавание, возникает потребность в формальном уточнении многих его аспектов. Отсюда культурная необходимость в схоластической деятельности. Энциклопедии, как и объемные компиляции, французский мыслитель рассматривает как схоластические произведения «по преимуществу». «Таким образом, во всех трех цивилизациях схоластика следовала за фазой, когда интеллектуальная активность была уделом одного или нескольких поколений софистов» [ibid, p. 68]. Иной раз фазы накладывались одна на другую, их продолжительность могла быть большей или меньшей. Но, как бы то ни было, человеческий разум продвигался «от анархии к дисциплине», хотя на этом пути он иногда и отказывался от плодотворного беспорядочного бурления в пользу скудной систематизации. В первом случае преобладала склонность к скептицизму, во втором – к догматизму. Специфическое отличие и даже оригинальность европейской цивилизации Массон-Урсель усматривал в разрыве со схоластикой. Этот разрыв оказался «медленным и мучительным», хотя многие рассчитывали на быструю утрату схоластикой прежних позиций. В конечном счете в Европе Нового времени возобладало убеждение, что развитие науки не может продолжаться в «школьных» рамках, но должно опираться на опытное исследование природы и изучение истории. По мнению французского мыслителя, Ренессанс – событие, свойственное исключительно западной цивилизации.

Массон-Урсель настаивал на педагогическом применении сравнительной философии. Позитивная философия, порывающая с беспредметным пустословием, ориентирована на безграничный прогресс, осуществляемый силами множества ученых. Найденные решения не должны возвещаться с позиции «вневременного абсолюта», но уточняться историческими исследованиями. Педагогический идеал сравнительной философии заключается в обеспечении учащимся возможности знакомиться с самыми различными областями культуры. Будущий философ должен соприкоснуться не только с библиотеками и музеями, но и лабораториями и клиниками, посещать разноплановые научные мероприятия, посвященные изучению прошлого человечества.

Исследователи неоднократно присоединялись к суждениям Массон-Урселя, относящимся к различным фактам, характеризующим интеллектуальную историю цивилизаций. Например, один из современных авторов Г. Бюго солидаризируется с мнением видного ориенталиста относительно чрезвычайной удаленности «индийского ума» от платоновской теории идей [3, p. 1584]. Подобные примеры можно было бы легко увеличить. В целом вполне можно согласиться с обобщающей оценкой В. К. Шохина: «У. П. Массон-Урселя в “Сравнительной философии” (1923) философская компаративистика вводится в общий контекст сравнительной культурологии: индийская, китайская и европейская философии

соотносятся с генеральными цивилизационными процессами (типа тех, которые несколько позднее К. Ясперс связывал с “осевым временем”), а “сравнительные” психология, гносеология и метафизика призваны выявить характеристики общих “региональных ментальностей” [4, р. 245].

Очевидно, позиция Массон-Урселя обнаруживает известное родство с установками позитивизма, определенно находится под их влиянием. Речь не только о стремлении придать философии «позитивный» характер; несомненно, в данном случае сама формулировка прямо указывает на Конта. С позитивизмом сравнительную философию Массон-Урселя сближает также критическое отношение к поискам знаний о сущности бытия, к попыткам сформулировать систему, заключающую абсолютное знание. Для родоначальника позитивизма «метафизическая стадия» определяется прежде всего тем, что «ум предполагает, вместо сверхъестественных факторов, абстрактные силы, подлинные сущности или персонифицированные абстракции, неотделимые от различных существ мира и способные производить все наблюдаемые феномены» [5, р. 58]. Как и Конт, Массон-Урсель отказывает метафизике в статусе науки. Подобно позитивистам, он принимает представления об универсальном детерминизме и стремится истолковать факты, лежащие в основании гуманитарных дисциплин, по образцу естественнонаучных. Придание философии точного, строгого характера, он, как и позитивисты, связывает с опорой на опытное знание.

Тем не менее считать сравнительную философию разновидностью позитивизма было бы ошибочно, прежде всего потому, что перед нами различное понимание самой природы философии. Конт под позитивной философией подразумевал анализ совокупности важнейших достижений частных наук. Для «второго» позитивизма философия выступала «регулятивом естественнонаучного мышления», помогая последнему избавиться от псевдопроблем. С точки зрения логического позитивизма философия – не теория, но деятельность по прояснению языка. Ни одной из приведенных трактовок Массон-Урсель не был близок; научная философия, на его взгляд, должна строиться на изучении проявлений человеческого духа в его истории. Отличен от позитивистского и метод, принимаемый Массон-Урселем, главным образом благодаря центральной роли, отводимой в нем понятию «аналогия». Если Массон-Урсель и ссылается иной раз на Конта, то всё же не перестает считать, что усилия его предшественников придать философии научный характер еще не увенчались успехом.

Действительно ли Массон-Урсель сумел установить принципы философии будущего, только ли сравнительные исследования способны привести к научной завершенности названную дисциплину? Позволительно усомниться в этом. В концепции французского мыслителя производится существенное сужение сферы философской рефлексии. Только за счет истории философия не может бесконечно продвигаться вперед, она нуждается в самом широком спектре анализируемых данных, в том числе из области естествознания.

Вместе с тем многие принципы сравнительной философии Массон-Урселя отнюдь не выглядят лишенными всяких перспектив. Таковы требования разработки сравнительной хронологии; призыв к многоплановости университетского образования; установка на выявление сходного, общего, закономерного, обнаруживающегося, казалось бы, за неповторимо индивидуальными формами в развитии метафизики. Сохраняют свою актуальность и ориентация философских исследований на раскрытие ментальных законов, и программа сопоставления различных систем не в абстрактном культурном контексте, а в связи с закономерным развитием различных цивилизаций.

Литература

1. *Masson-Oursel P.* La philosophie comparée / P. Masson-Oursel. – Paris : Félix Alcan, 1931. – 166 p.
2. *Masson-Oursel P.* Objet et méthode de la philosophie comparée / P. Masson-Oursel // *Revue de la métaphysique et de morale.* – 1911. – № 4. – P. 541–548.
3. *Bugault G.* En quelle mesure et en quel sens peut-on parler de “philosophie indienne”? / G. Bugault // *Encyclopédie philosophique universelle.* Sous la dir. d'André Jacob. V.I. L'Univers philosophique. Paris : PUF, 1989. – P. 1576–1585.
4. *Шохин В. К.* Философская компаративистика / В. К. Шохин // *Новая философская энциклопедия.* – М. : Мысль, 2001. – Т.4. – С. 245–246.
5. *Comte A.* Premiers cours de philosophie positive / A. Comte. – Paris : PUF, 2007. – 546 p.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Кротов А. А., доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры

E-mail: krotov@philos.msu.ru

Тел.: 8 (495) 939-18-48

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Krotov A. A., Doctor of Philosophy, Head of the History and Theory of World Culture Department

E-mail: krotov@philos.msu.ru

Tel.: 8 (495) 939-18-48